

КОНЦЕПТ «НАРОДНОСТЬ» В СУДЬБЕ И НАСЛЕДИИ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Рассматривается концепт «народность» как один из ключевых концептов общественной мысли России, определивших аксиологические и методологические установки русской геополитической традиции, в числе которых – идея служения народу, равенство и плюрализм культур, ориентация на самобытный путь развития России. В ней прослеживается развитие трех школ российской геополитики – славянофильской, позитивистской и евразийской – и их влияние на становление советской этнографии и формирование основ национальной политики советского периода истории России. Делается вывод о том, что проблема этнического многообразия является одной из ключевых в геополитических исследованиях.

Ключевые слова: геополитика, европоцентризм, этническое многообразие, народность, славянофильство, позитивизм, евразийство, модернизация, глобализация.

Наиболее авторитетными в настоящее время принято считать четыре геополитические традиции: англо-американскую, французскую, немецкую и русскую. Триада «пространство – население – государство» разрабатывалась каждой из национальных традиций геополитики с учетом значимости антропоного фактора. Решая проблемы этнического многообразия, ученые и политические деятели использовали практики, порожденные историческим опытом конкретной культуры и цивилизации. Собственным опытом обладала и Россия, окончательно вступившая на путь модернизации в XVIII в.

В административном управлении Российской империи модернизация проявилась в переориентации с имперского на национальный тип государственного строительства по европейскому образцу. По мере усиления европоцентристских тенденций в сфере государственного строительства социальная дистанция между русскими и нерусскими, прежде всего финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами России, начинает увеличиваться. Эта дистанция в Российской империи оказывается большей, нежели в Московском царстве. На это указывает и смена лексики. Так, например,

«иноземцы», как именовались все без различия иностранцы в России, в том числе и аборигенные народы Сибири, превращаются за два века в «иностранцев», статус которых в европеизирующемся русском самосознании приобрел черты неполноценности [Люцидарская, 1995].

В то же время переориентация на национальный принцип, проявившаяся в усилении унификации административного управления и социальной гомогенизации разнородного в культурном отношении населения, в общественном сознании россиян породила идею народности, представления о самобытном историческом пути, которым идет каждый народ в соответствии с особенностями своей психологии и коллективного духа.

Представление о народе как о коллективной личности, обладающей «душой», сознанием и набором определенных психологических характеристик, уходит корнями во французское Просвещение, представители которого рассматривали его как целостный организм, составляющий единую личность. Немецкое Просвещение в лице И. Гердера выдвинуло понятие «национального склада каждого народа», который он связал с традицией, культурой и образова-

нием. В философии немецкого идеализма содержание исторической эпохи соединялось с содержанием определенного народного духа, в котором наиболее полно была выражена вершина культуры данного времени. В романтизме это понятие оказалось связанным с идеей свободы в политическом смысле. На русской почве идеи Просвещения, романтизма и немецкой классической философии оказали влияние на весь спектр политико-идеологических взглядов и представлений, от либеральных до консервативно-охранительных. В этом спектре они породили особую, народническую идеологию, в рамках которой со временем возникает и социалистическая идея.

В каждом из направлений русской геополитической мысли – славянофильстве, позитивизме, евразийстве – идея народности имела свое особое звучание. Наиболее сильно она звучала в славянофильстве, идейном течении, связанном с традицией критического отношения к власти. Славянофильство сформировалось как оппозиционное власти движение либеральной дворянской интеллигенции в условиях николаевского режима. Опираясь на идеи немецкой классической философии об особом «народном духе», присущем каждому народу, славянофилы представляли русский народ в качестве своего рода нравственного объединения, близкого по духу другим славянским народам. Духовной сердцевиной такого объединения были, по мнению славянофилов, православные ценности русского народа. Из этого вытекало сущностное противопоставление России Западной Европе с ее традициями латинской культуры и католицизма. Именно в среде славянофилов появляется первая русская геополитическая теория, подвергающая ревизии идею универсализма в истории. Ее автор, Н. Я. Данилевский, с позиции абсолютизации этнокультурных особенностей народов делал вывод о существовании особых культурно-исторических типов. Славянофилы провозглашали идею некапиталистического пути исторического развития России, связывая демократию и модернизацию российского общества с эволюцией русской крестьянской общины.

В контексте проблемы отношений между знанием и властью можно констатировать, что наиболее интегрированными в союз с властью оказались представители позитивистского

направления в геополитике, ученые: историки, географы, востоковеды. Их объединяла с властью общность взглядов на исторический прогресс в духе эволюционистских теорий, господствовавших в науке конца XIX в., со свойственным им представлением об иерархии культур [Ерохина, 1996. С. 74]. В этой эволюционистской парадигме культуры многих народов, в том числе финно-угорских и тюрко-монгольских народов Азиатской России, переживающих в XIX в. возврат к архаике, оказывались поставленными на ступень ниже культур народов европейской части России. Это обстоятельство открыло для некоторых исследователей возможность рассматривать практику управления неевропейскими народами России в оптике теоретической парадигмы ориентализма, предложенной Э. Саидом [Халид, 2005. С. 315–318].

С другой стороны, следует согласиться с мнением тех исследователей, которые склонны рассматривать дискурс российской власти и российских ученых в отношении неевропейских народов не столько с позиций ориентализма, сколько с позиций «инаковости» [Найт, 2005б. С. 329–330]. В этой связи полезно сослаться на мнение авторитетного исследователя Н. Найта и привести цитаты из его статьи, посвященной специфике взаимодействия знания и власти в процессе государственного регулирования интеграции нерусских народов в структуру Российской империи.

««Инородцы» в России жили не далеко за океанами, не в чуждых и невыносимых климатических условиях, как это было в европейских колониальных империях. Это были те же самые народы, с которыми россияне существовали в более или менее близком общении в течение веков. Их названия постоянно встречаются в исторических документах со времен «Повести временных лет». Их отношения с Российским государством часто восходят еще к московскому периоду, и в некоторых случаях они больше напоминают средневековые феодальные отношения, чем империалистические, характерные для девятнадцатого века. Более того, представители элиты «инородцев» легко вливались в состав русского дворянства. Имена таких известных дворян, как Карамзин, Черкасский, Кочубей и Багратион, красноречиво напоминали об их предках-инородцах. Если рассматривать отно-

шения русских с их неславянскими соседями, по крайней мере с теми, кто жил к западу от Урала, то больший смысл имела бы параллель с процессами внутренней интеграции национальных меньшинств, которые шли в Великобритании, Франции и Испании, чем с колониальной экспансией этих стран» [Найт, 2005а. С. 188].

Свою позицию Найт аргументирует обращением к биографиям русских востоковедов, усилиями которых проводилась политика российского государства в национальных регионах. Несмотря на их официальный статус в качестве чиновников, в котором они пребывали в определенные периоды своей профессиональной биографии, их деятельность выходила далеко за пределы бюрократических предписаний и нередко входила в противоречие с нормами «правильно понимаемого» бюрократического действия. В их числе Николай Надеждин, редактор «Журнала министерства внутренних дел», выступавший за формирование новых, «народнических» параметров этнографии как научной дисциплины, и Василий Григорьев, востоковед и чиновник, управляющий Областью оренбургских киргизов (казахов), впоследствии профессор Санкт-Петербургского университета [Там же. С. 167–168].

Для людей, подобных им, неприемлема была идея природной ограниченности отдельных народов к развитию [Найт, 2005б. С. 333]. Скорее, напротив, они придерживались представления о «народности как органическом целом», из которого вытекало, что индивид может духовно развиваться лишь только как часть своего народа, а народ может продвигаться вперед только при условии сохранения своей культурной самобытности. Это убеждение в равной мере применялось как к нерусским (например, к казахам, в среде которых работал Григорьев), так и к русским [Там же. С. 333–334]. Оно послужило аксиологическим ядром российской этнографии и российского востоковедения.

Еще одним фактором, удерживающим от однозначной оценки политики российского государства в отношении нерусских народов как ориенталистской, является, по мнению Найта, отношение России к Западу. «Имперский» подход к этнографии во Франции, Германии и Британии основывался, прежде всего, на строгой и жесткой иерархии наций и рас. Для России, оказав-

шейся в узах болезненно амбивалентных отношений с западноевропейской культурой, такое представление об «иерархии бытия» могло быть изначально неприемлемым. Ведь если Россия еще не достигла такого же уровня развития, как Запад, этот факт необходимо было объяснить – задача, которая ничуть не могла прельстить патриотически настроенных русских (таких, как Надеждин), особенно если такое объяснение должно было опираться на риторику и методологию расового и географического детерминизма западной этнологии. Гораздо более привлекательной была возможность выстроить свое понимание науки вокруг понятия «народность»... Принимая эту ориентацию, русские этнографы выразили стремление всего образованного общества к идеалу самобытности...» [Найт, 2005а. С. 188–189].

В пользу этой точки зрения свидетельствует и наличие в структуре российской культуры такого феномена, как русская интеллигенция с ее ориентацией на народность, понимаемую как воплощение некоей уникальной коллективной личности. В статье российского этнолога С. Абашина, героем которой стал русский генерал, исследователь Туркестана В. П. Наливкин, такая гражданская позиция находящихся на службе государства имперских чиновников – этнографов рассматривается уже не как аномалия, которая не вписывается в ориенталистскую парадигму, а как типичный для русского интеллигента случай [Абашин, 2005. С. 92].

Имеет смысл согласиться с Абашиним в неоспоримости того факта, что цивилизаторская миссия, которой империя оправдывала свое завоевание азиатских регионов, основывалась не столько на идеологии господства над «низшими» восточными народами, сколько в значительной степени на идеологии «просвещения» «отсталых» обществ. В XIX в. идея прогресса не только не вступила в противоречие с политикой Российской империи на востоке страны, но оставалась ее составной частью, что открывало широкие карьерные перспективы для честолюбивых людей с либеральными и даже народническими взглядами [Там же. С. 94].

По мере усиления кризиса европоцентризма в самом российском обществе, поднятая на самый высокий уровень мера осоз-

нения цивилизаторской миссии России обнаружила противоречия ориентализма как идеи и практики. Это с неизбежностью привело к отказу от европоцентризма и к замене его альтернативной идеологией. Для Наливкина, биографию которого проанализировал Абашин, такой альтернативой стал социализм [Там же. С. 95]. Другой, несоциалистической, альтернативной ориентализму идеологией, стало евразийство, которое продолжило традиции критического отношения к власти и западному пути развития.

Становление евразийства как геополитической школы прочно вписано в контекст драматичных событий распада Российской государственности после Октябрьской революции 1917 г. и последовавших за этим гражданской войны и иностранной интервенции. Евразийцам, участникам Белого движения в 1918–1920-х гг., пришлось наблюдать, как, по воспоминаниям А. И. Деникина, «шло неприкрытое расхищение или балканизация российской территории и тяжелая экономическая эксплуатация ее». Деникин делился в своих воспоминаниях разочарованием, связанным с деятельностью англичан и французов, действовавших в Закавказье в ущерб интересам России под маской союзнического долга. Отвергая социалистическую перспективу, евразийцы в то же время своеобразно продолжили в своей философии те традиции, которые восходили к славянофильству и почвенничеству: идеалы социальной справедливости и служения народу, нестяжательства, отрицания обогащения и приоритета материальных начал над духовными, ориентацию на самобытный путь развития.

Общность духовных истоков социализма и евразийства, тем не менее, не смогла сгладить тех противоречий, которые обусловили распад Российской империи, Октябрьскую революцию и гражданскую войну 1918–1921 гг. В XX в. русская геополитическая мысль переживает спад на своей родине. У этого обстоятельства есть свои причины, как институциональные, так и ситуативные. Предпосылкой такого изменения стало искоренение геополитики и обсуждаемых ею тем из пространства советской науки как реакционных.

Советская политическая система подвергла коренному изменению многие социальные институты, в том числе и институт науки. Так, например, до революции глав-

ным научным центром страны по изучению культурного разнообразия было Императорское русское географическое общество, которое координировало работу исследователей по всей России. Соответственно, этнография как наука о культурном многообразии оставалась частью географии.

В советский период ее институциональный статус изменился. Этнография стала частью большого поля исторических наук, дисциплин, занимающихся изучением человека в прошлом. В соответствии с доминирующей на тот момент сталинской интерпретацией национального вопроса, все элементы культуры, имеющие выраженную этническую специфику (включая язык и предметы материальной культуры), должны были быть отнесены к этнографической «архаике», что автоматически предполагало их классификацию как исторических артефактов и помещало в один ряд с археологическими находками и письменными источниками древности или Средневековья. Считалось, что с развитием прогресса элементы архаики уйдут из жизни, и их место окажется в музее. Поэтому в первые годы советской власти, вплоть до создания в 1933 г. Института антропологии и этнографии в составе Академии наук СССР, центр этнографических исследований перемещается в музей, самыми крупными из которых на тот момент были музей Ленинграда: Кунсткамера и Музей религии и атеизма в Казанском соборе.

Нельзя сказать, что этнографическая тема вообще ушла из географических исследований. Скорее, она постепенно поглощалась экономической и политической тематикой. В этой области наиболее заметен вклад В. П. Семенова-Тян-Шанского, который проводил большую работу по районированию страны с использованием разработанных им методов картографирования. Когда появились первые результаты его работы, карты плотности населения Европейской России, стали очевидны демографические последствия гражданской войны и коллективизации. Семенову-Тян-Шанскому поставили в вину связь антропогеографического метода с геополитикой, набиравшей силу в Германии, с которой у СССР с начала 1930-х гг. стали усиливаться противоречия. Он был вынужден уйти в отставку, не успев закончить работу по описанию территории России, начатую еще вместе с отцом,

П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, и В. И. Ламанским.

Этнографическая же наука пошла по пути исследования до-современных способов взаимодействия человека со средой обитания. В рамках интереса к локальным этнографическим группам она сфокусировала свой интерес на традиционной культуре их жизнеобеспечения. Во второй половине XX в. от сбора и описания артефактов этнографы переходят к теоретическому осмыслению их происхождения. Наиболее интересным результатом этого процесса стала теория хозяйственно-культурных типов (ХКТ) М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, которая постулировала возможность общего комплекса хозяйственно-культурного особенностей у разных по своему этническому происхождению народов, если они близки по уровню социально-экономического развития и живут в сходных естественно-географических условиях.

Несмотря на запрет занятиями геополитикой в СССР, российская геополитическая школа продолжала свое развитие за рубежом. Один из ее видных представителей, евразиец П. Н. Савицкий, ушел из жизни лишь в 1968 г. Его идейным преемником стал Л. Н. Гумилев, с которым он был знаком лично и с которым находился в переписке в последние годы жизни.

Хрущевская «оттепель» на короткий период приоткрыла «железный занавес». Этого оказалось достаточно для того, чтобы отдельные идеи русской геополитической школы обогатили отечественную науку, пусть и не напрямую, ввиду официального отсутствия таковой в СССР, а через географию, историю, лингвистику, этнографию, социологию, экономику. В целом, влияние наследия русских ученых, находившихся после революции и гражданской войны в эмиграции, на советскую науку 1960-х гг. оказалось весьма значительным. Становление советской семиотической школы невозможно представить без влияния идей Н. Трубецкого и Р. Якобсона. Серьезный вклад в теорию этнографии внесли работы С. Широкогорова. Современная экономическая наука получила импульс от идей расстрелянного в годы сталинских репрессий Н. Кондратьева и другого нашего соотечественника с более счастливой судьбой, лауреата Нобелевской премии В. Леонтьева.

Народнические идеи трансформировались в советской науке, в частности, в этнографии, в представление об этносе как носителе особой культуры, содержащей материальную и духовную составляющие. Так был найден компромисс между народнической интенцией, ориентированной на приоритет духовного начала, и материалистическим пониманием, заложенным в идеях марксизма. Он открыл возможность уподобления отдельной культуры уникальной личности со своим набором самобытных характеристик. Признание самобытности этнических культур, унаследованное советской наукой от российского дореволюционного этапа своего развития, стало основой национальной политики СССР, нацеленной на выравнивание социально-структурных параметров развития народов Советского Союза.

Национальная политика советского периода отечественной истории противоречива. Она содержит много драматических страниц, связанных с репрессиями представителей отдельных народов и депортацией целых этнических групп. Трудно не заметить сходства между установкой сталинского режима личной власти на культурную унификацию и гомогенизацию населения с принципом национализма, руководствуясь которым от имени «народного суверенитета» политические элиты европейских стран в первой половине XX в. осуществляли политику, далекую от соблюдения прав человека. Это в полной мере относится и к таким развитым демократиям, как европейская и североамериканская, которые прибегали к практикам высылки из страны, изоляции и перемещения своих граждан в концентрационные лагеря на основании их этнического происхождения накануне и во время Второй мировой войны. Если речь идет о дискриминации личности или народа, не имеет значения номинация политического режима как «тоталитарного» или «демократического»: в правовом поле должны квалифицироваться его деяния.

Вместе с тем в истории советской национальной политики нет ни одного эпизода, связанного с геноцидом, методом, широко распространенным в практике национализма. Социальная мобилизация первых десятилетий советской власти дала небывалый импульс социальной активности населения. Война сплотила людей, а память о жертвах,

павших за независимость страны, скрепила общность народов СССР. Послевоенный вклад государства в развитие человеческого потенциала, в рост экономической эффективности производства, в повышение качества медицинского обслуживания, в развитие всех форм и видов образования, дал в течение небольшого по историческим меркам периода улучшение качества жизни граждан, удлинение продолжительности жизни населения, рост образования и увеличение доли квалифицированных специалистов. Наиболее значительным его результатом стало резкое увеличение доли грамотных лиц, городского населения и промышленных рабочих среди всех народов СССР.

Несмотря на негативные последствия режима личной власти И. Сталина, советской власти удалось решить ряд мобилизационных задач модернизации: появления грамотного в основной массе населения, формирования экономики, основанной на индустриальном производстве и, в отдельных сегментах, на инновациях, а также задачу осуществления демографического перехода. Мобилизация оказалась успешной во многом благодаря базовым чертам советской модели национального строительства, идеология которой была унаследована от «народнической» традиции отечественной философской и научной мысли.

Частью такой традиции является русская геополитика, восстановившая свое единство после распада СССР. Идейнными характеристиками этой традиции остаются:

1) критика идеи безальтернативности капитализма и буржуазного пути общественного развития. Из этого вытекает стремление найти собственную модель общественного развития, соответствующую месту России в системе цивилизационных и геополитических координат и ее ведущей роли в становлении и развитии российской цивилизации;

2) такое понимание прав и свобод личности, которое ориентировано на совмещение индивидуального и коллективного оснований. Из этого следует направление поиска идеала общественного устройства, предполагающее признание свободы частного лица лишь как момента индивидуальной свободы [Межуев, 2000. С. 67–69]. Другими же обязательными моментами являются социальное равенство, выход за пре-

делы агональной состязательности во имя достижения частных интересов, озабоченность общим благом [Там же];

3) ориентация на формирование гражданской общности, несводимой к унифицирующим формам гражданского национализма. Это обуславливает предпочтение интеграционной модели формирования гражданской общности россиян и самой идеи этого сообщества как российского народа, а не как российской нации [Авксентьев, 2004; Ерохина, 2010].

Сегодня этническое многообразие начинает осмысливаться как естественное преимущество в глобализирующемся мире. По мере того как государства переходят от нацистроительства, направленного на логику внутренней «борьбы с сепаратизмом», к межгосударственной интеграции в рамках экономических и политических союзов, ориентация отечественной геополитики на самобытность российской цивилизации и особым образом понимаемую «народность» обуславливает постановку проблемы этнического многообразия в терминах и понятиях, выходящих за пределы геополитического инструментаризма.

Список литературы

Абашии С. Н. В. П. Наливкин: «...будто, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // *Азиатская Россия: люди и структуры империи*: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск, 2005. С. 43–96.

Авксентьев В. А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтогенности // *Вестн. СевКавГТУ*. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (11). URL: <http://www.nsctu.ru>

Ерохина Е. А. О некоторых особенностях межэтнических взаимоотношений русских с аборигенами Западной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1996. № 1. С. 73–78.

Ерохина Е. А. Этническое развитие народов России и перспективы становления российской нации // *Новые исследования Тувы*. 2010. № 4. URL: <http://www.tuva.asia/persons/2127-erokhina>

Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и куль-*

тур / Тез. междунар. науч. конф. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. Т. 2. С. 165–169.

Межуев В. М. Российская цивилизация – утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. № 1. С. 44–69.

Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое издательство, 2005а. С. 155–198.

Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое издательство, 2005б. С. 324–344.

Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 311–323.

Материал поступил в редколлегию 27.08.2012

E. A. Erokhina

THE CONCEPT OF «ETHNIC GROUP» IN THE FATE AND HERITAGE OF RUSSIAN GEOPOLITICS

The paper treats the concept of «ethnic group» as one of the key concepts of Russia's social thinking, definitive for axiological and methodological orientations of the Russian geopolitical tradition. Among these orientations are: the idea of service to the people, equality and pluralism of cultures, commitment to the original and distinctive development of Russia. The author traces down the development of three schools of Russian geopolitics: the Slavophil, positivistic and Euroasian ones and their influence on the formation of Soviet ethnography and emerging foundations of the nationalities policy of the Soviet period. The author concludes that the problem of ethnic variety is one of the key problems in geopolitical studies.

Keywords: geopolitics, eurocentrism, ethnic variety, ethnic group, Slavophiles, positivism, Eurasianism, modernization, globalization.